

А нас ищут немцы и собаки



Альбом детских
рисунков по стихам
Аллы Айзеншарф



**Альбом подготовлен и издан Санкт-Петербургской Еврейской Благотворительной
Общественной организацией инвалидов «Ева» (ООИ «Ева»)**

Рисунок на обложке – Наталья Воронцова



Claims Conference ועידת התביעות
The Conference on Jewish Material Claims Against Germany

**This publication is issued due to the support from the Conference on
Jewish Material Claims Against Germany**

**Издание осуществлено благодаря поддержке Комиссии по еврейским материальным искам
Германии («Клеймс Конференс»)**

Издание распространяется на некоммерческой основе

Санкт-Петербург, 2016

Так бывает...

Первый раз прочла стихи удивительного талантливого ребенка, и испытала потрясение. Даже не столько от поэтического дара юной Аллы Айзеншарф, как от духовного, человеческого... Стихи не давали спокойно жить, прорастали, как зерна, брошенные в благодатную почву. Что-то надо было с этим делать. Мне захотелось проиллюстрировать их. Но не мной сегодняшней, а девочкой лет двенадцати-четырнадцати. С мироощущением, глазами и рукой подростка. Трудная, скажу вам, задача. Невозможная! Только ребенок может сказать: «А нас ищут немцы и собаки...», и это будет правдой. А у взрослого – ложь, подделка. Все же несколько моих рисунков вошло в альбом.

Мне пришла идея прочесть стихи Аллы Айзеншарф детям 6-12 лет, вдруг смогут, вдруг проникнутся сегодняшние, питерские, благополучные, другие. Были опасения и сомнения. Но... Дети спрашивали, сочувствовали, сопереживали и рисовали. «Я не нарочно так думаю», – писала шестилетняя Алла, задумываясь над глобальными вопросами – почему? за что? кто мне ответит?... Если мои юные художники «нечаянно» задумаются над этими вопросами – значит, наш альбом увидел свет не зря.

Два года назад я позвонила в Ашкелон Алле Наумовне, рассказала о выставке детских работ на ее детские стихи, и спросила, как она отнесется к изданию такого вот альбома. «Это моя мечта!» – сказала Алла Наумовна. И моя тоже. Как хорошо, что мечты сбываются!

Пусть никого не удивляет, что подпись под одним рисунком «Женя Гассель, 6 лет», а под другим «Женя Гассель, 10 лет». Просто есть дети, которые через четыре года вернулись к этим стихам. Я благодарна всем моим юным художникам за участие.

А стихи 6-летней девочки по-прежнему вызывают изумление. Я хочу пожелать Алле Наумовне долгих и творческих лет.

Художник, руководитель художественной студии «Симха» при ООИ «Ева»

Наталья Воронцова

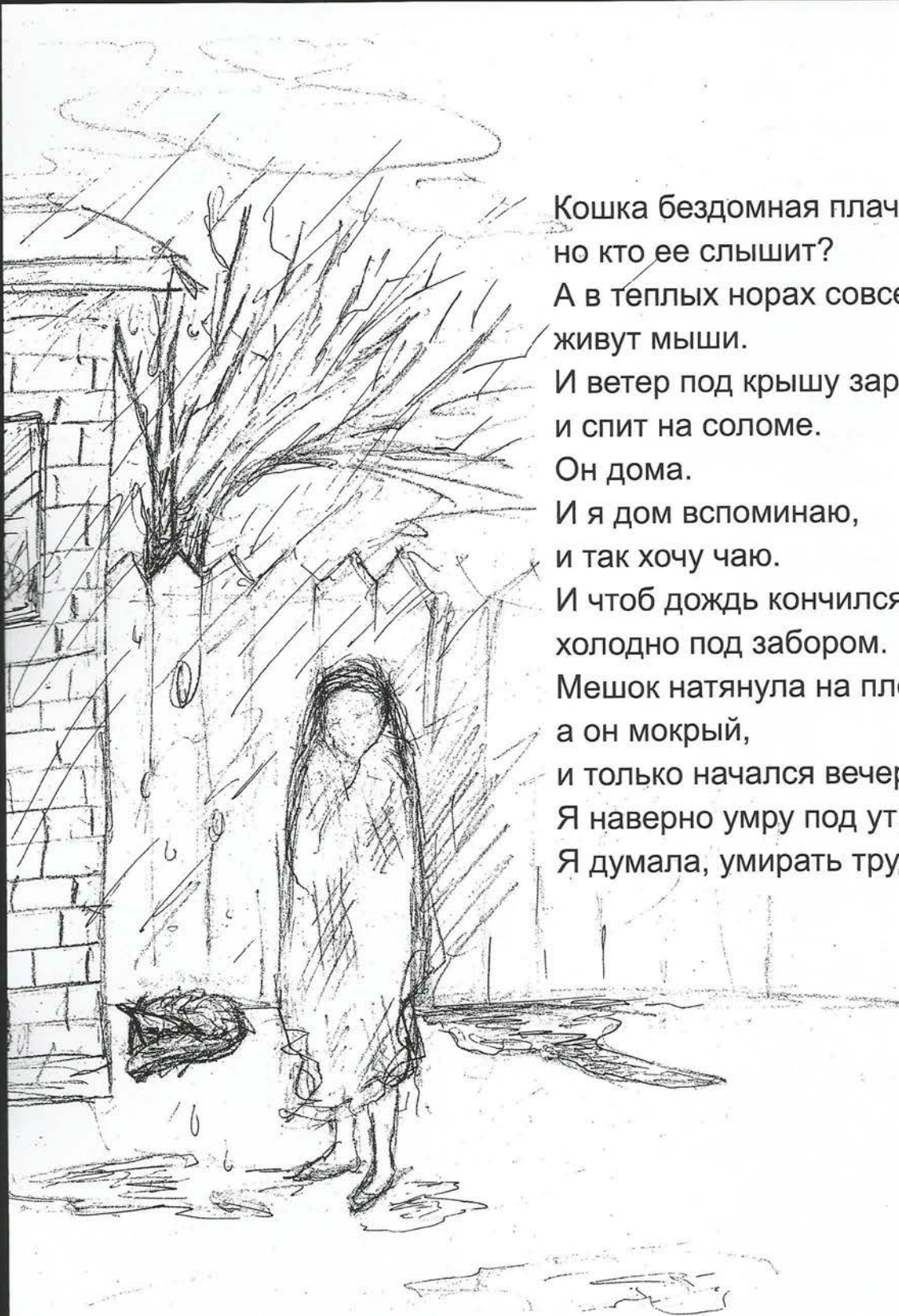


**Поклон всем, кто принимал участие в нашем спасении:
семье Ореховских в Немирове, жителям села Грабовцы.**

**Война вышвырнула меня и сестричку Мэрочку на улицу.
Уже убит в погроме папа, мама далеко в концлагере.
Родительский дом - недавняя сказка, - стоит, как стоял.
Но там - немцы. И мы, держась за руки, бродим и бродим
по улицам Немирова - две голодные затравленные
девочки.**

**Мне - шесть, Мэрочке - десять. Мы не смеем подойти ни к
одной калитке, ни к одному окну. Вот в такое время (лето
сорок второго года) и родились эти «стихи». И я не
меняла в них ни одного слова не только потому, что
«автору» шесть лет...**

Алла Айзеншарф



Кошка бездомная плачет,
но кто ее слышит?
А в теплых норах совсем иначе
живут мыши.
И ветер под крышу зарылся
и спит на соломе.
Он дома.
И я дом вспоминаю,
и так хочу чаю.
И чтоб дождь кончился скоро:
холодно под забором.
Мешок натянула на плечи,
а он мокрый,
и только начался вечер.
Я наверно умру под утро.
Я думала, умирать трудно.

На ночь сараи запирали, собак спускали с цепи, и если шел дождь,
надо было стащить с чьего-то забора сухую тряпку или мешок.
Но получалось не всегда.



Ну сколько можно в этих лопухах!
А нас ищут немцы и собаки.
И страшно.
Он большой, как небо - страх.
И писать хочется
и громко-громко плакать.



Когда дядя Митя узнавал, что будет облава,
он находил нас в городе и незаметно
приводил на пустырь.
Там, в приготовленной яме,
он заваливал нас лопухами.
Через густой, высокий репейник
пустыря не хотели продираться
даже овчарки. И мы лежали
с утра до вечера без воды.
Иногда слышали лай,
крики людей.



Я, наверно, Гитлера убью.
Вот глаза закрою,
бах и - выстрелю.
Только я потом уже не вырасту
и себя уже не полюблю.
Нет, я дверь закрою на замок,
чтоб он выйти никуда не мог.
А в окошко буду строить рожи:
на, смотри, какой ты нехороший.



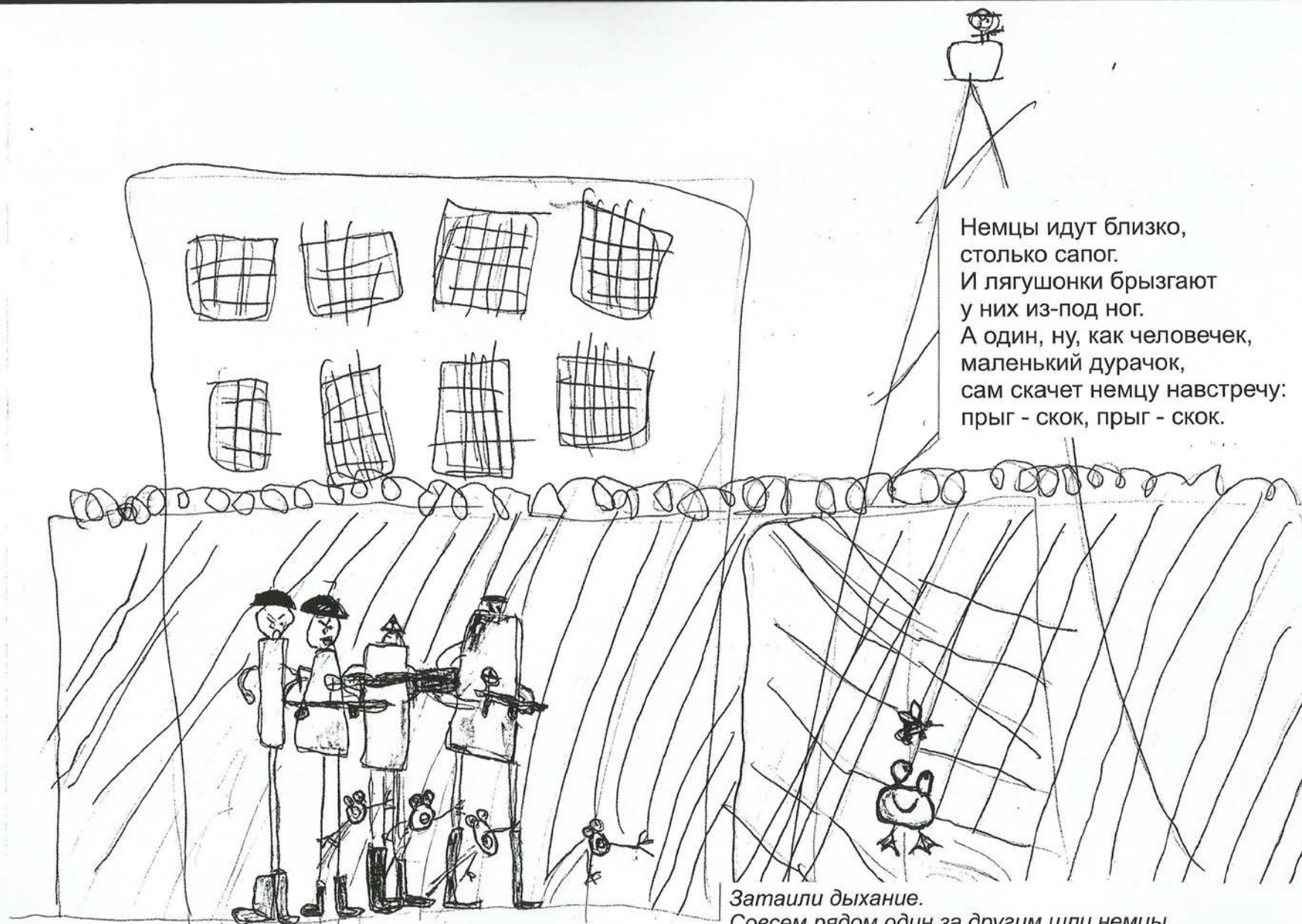
*Много вариантов мести придумывали мы для злодея.
Этот показался мне самым подходящим.*



Так комары искушали, -
нет уже сил терпеть.
Ничего не хочу хотеть,
только, чтоб про меня не знали.
Лежу в камышах, распухшая,
не могу разлепить глаза.
И кашлять нельзя-нельзя:
немцы услышат.
Рядом они где-то
идут с винтовками в гетто.
Лягушонок смеется, глупый,
плачет кузнецик.
А мне уже плакать нечем
и очень болят губы.

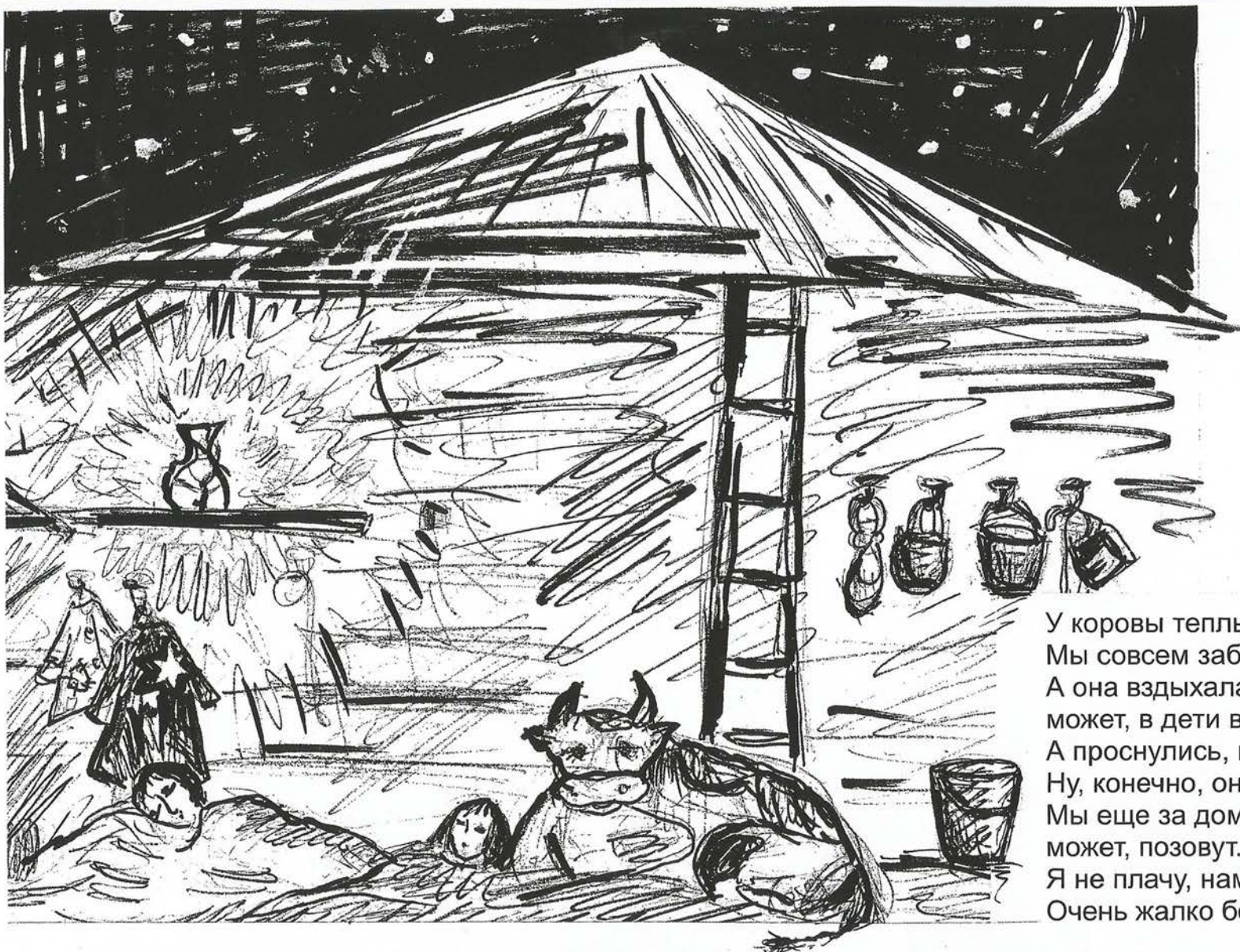
Чаще всего мы прятались в камышах у реки.
Но комаров столько, что отбиваться не было сил, и на дорогу
выйти нельзя.
Звон, звон в ушах.

Аня Тарасова, 10 лет



Немцы идут близко,
столько сапог.
И лягушонки брызгают
у них из-под ног.
А один, ну, как человечек,
маленький дурачок,
сам скачет немцу навстречу:
прыг - скок, прыг - скок.

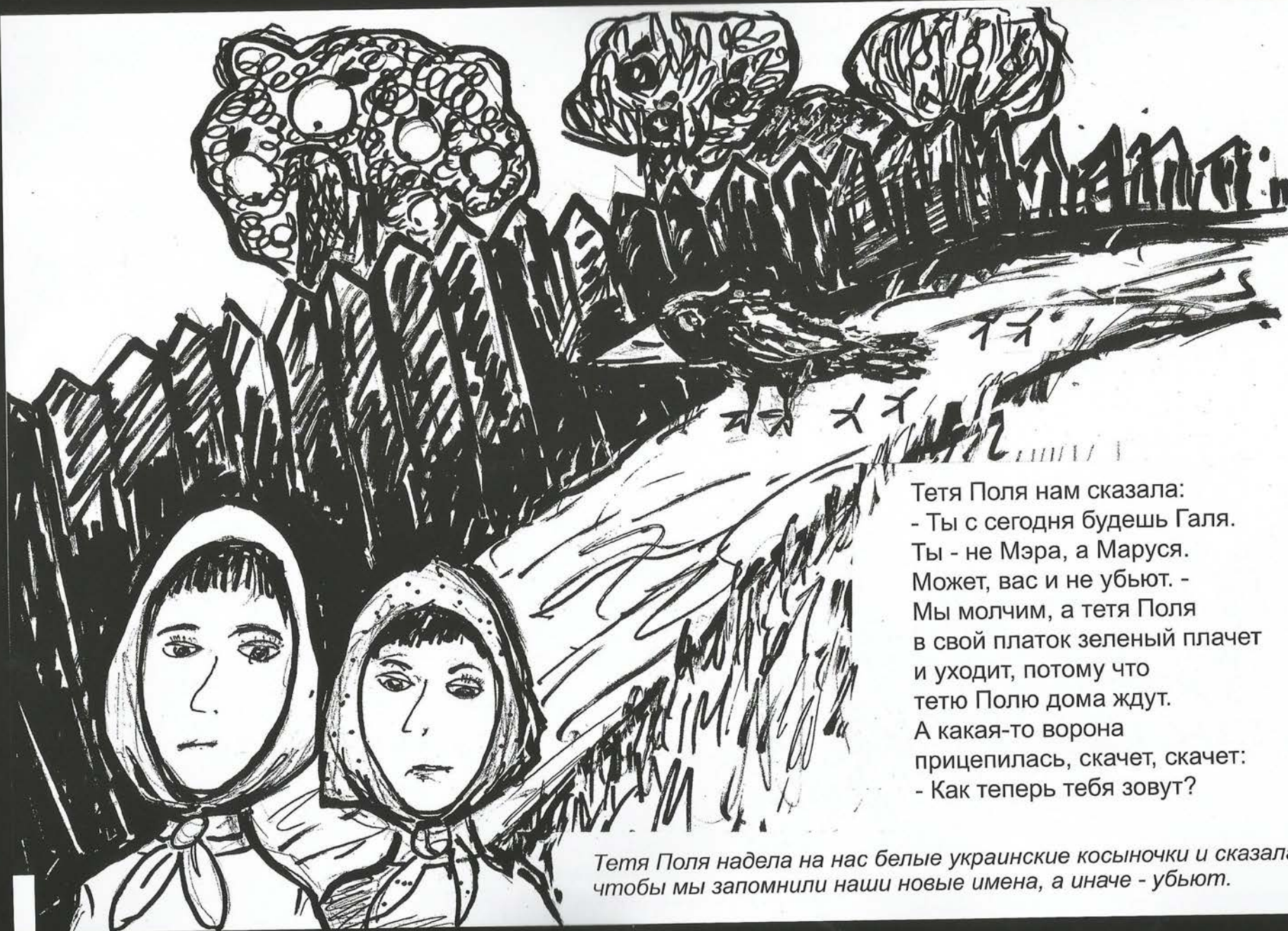
Затаили дыхание.
Совсем рядом один за другим шли немцы.
Огромные сапоги, страшные. Тропинка вела в гетто.



У коровы теплые бока.
Мы совсем забыли про рога.
А она вздыхала и сопела,
может, в дети взять нас захотела.
А проснулись, крик такой и лай.
Ну, конечно, он чужой - сарай.
Мы еще за домом там стояли,
может, позовут. Но нас не звали.
Я не плачу, нам нельзя такого.
Очень жалко бедную корову.

Стемнело. Мы забрались в чей-то сарай до того, как его закрыли. Корова лежала на соломе и позволяла прижиматься к теплому боку. От нее пахло молоком.

Лиза Осовецкая, 9 лет



Тетя Поля нам сказала:
- Ты с сегодня будешь Галя.
Ты - не Мэра, а Маруся.
Может, вас и не убьют. -
Мы молчим, а тетя Поля
в свой платок зеленый плачет
и уходит, потому что
тетю Полю дома ждут.
А какая-то ворона
прицепилась, скачет, скачет:
- Как теперь тебя зовут?

*Тетя Поля надела на нас белые украинские косыночки и сказала,
чтобы мы запомнили наши новые имена, а иначе - убьют.*

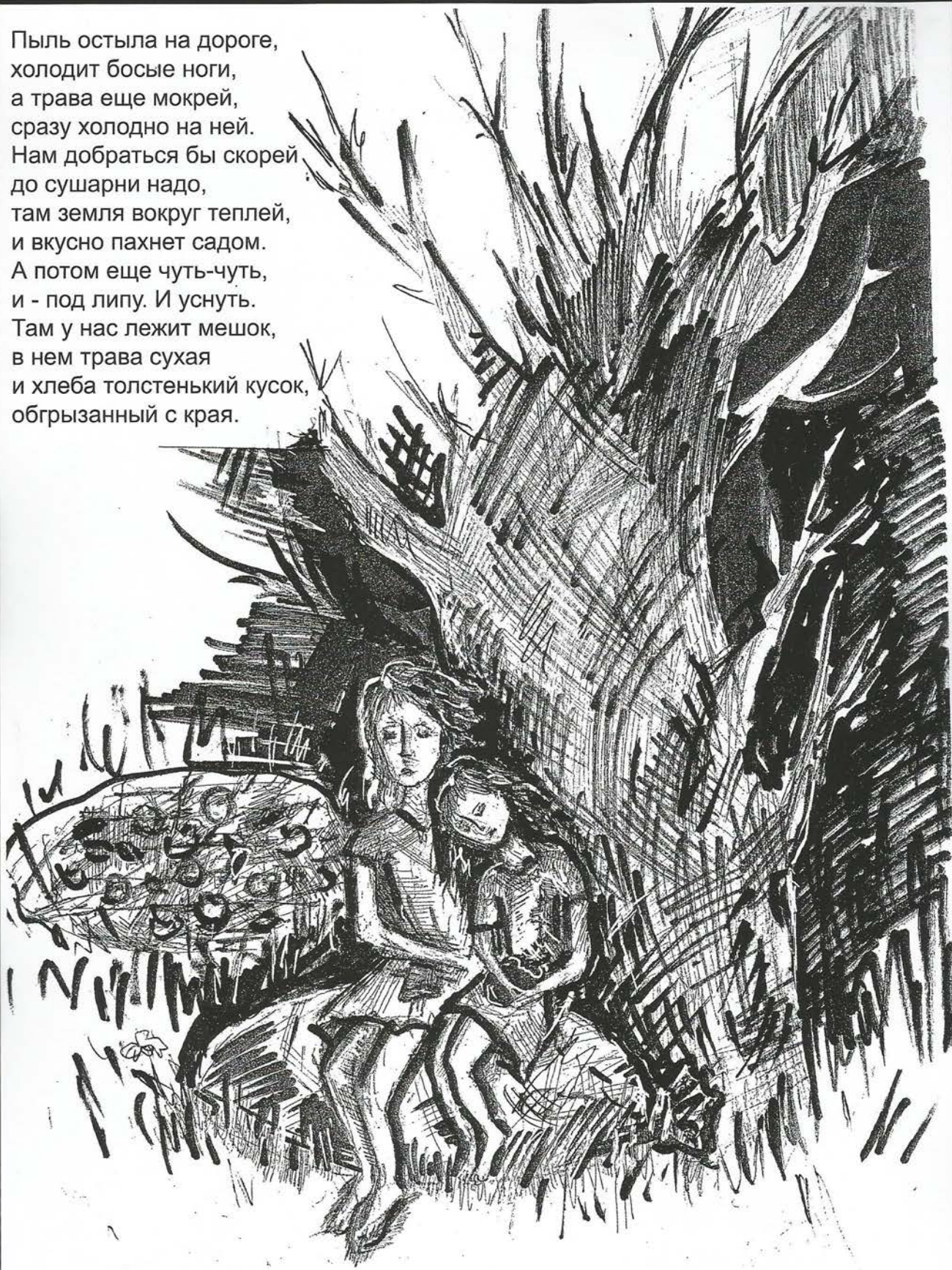
Соня Гассель, 8 лет



Нелли танцует с немцем.
Музыка так играет,
платье летает,
туда и сюда летает -
аж попку видно.
А ей нестыдно.
Смеется.

Нисилловские - наши соседи. Он с папой работал на одном заводе, в шахматы играли, праздники отмечали семьями. Я у него на закорках выросла. А когда мы с Мэричкой остались одни на улице, искал, чтобы убить. Девушка Нелли - сестра его жены - с немцами водилась.

Пыль остыла на дороге,
холодит босые ноги,
а трава еще мокрей,
сразу холодно на ней.
Нам добраться бы скорей
до сушарни надо,
там земля вокруг теплей,
и вкусно пахнет садом.
А потом еще чуть-чуть,
и - под липу. И уснуть.
Там у нас лежит мешок,
в нем трава сухая
и хлеба толстенный кусок,
обгрызанный с края.



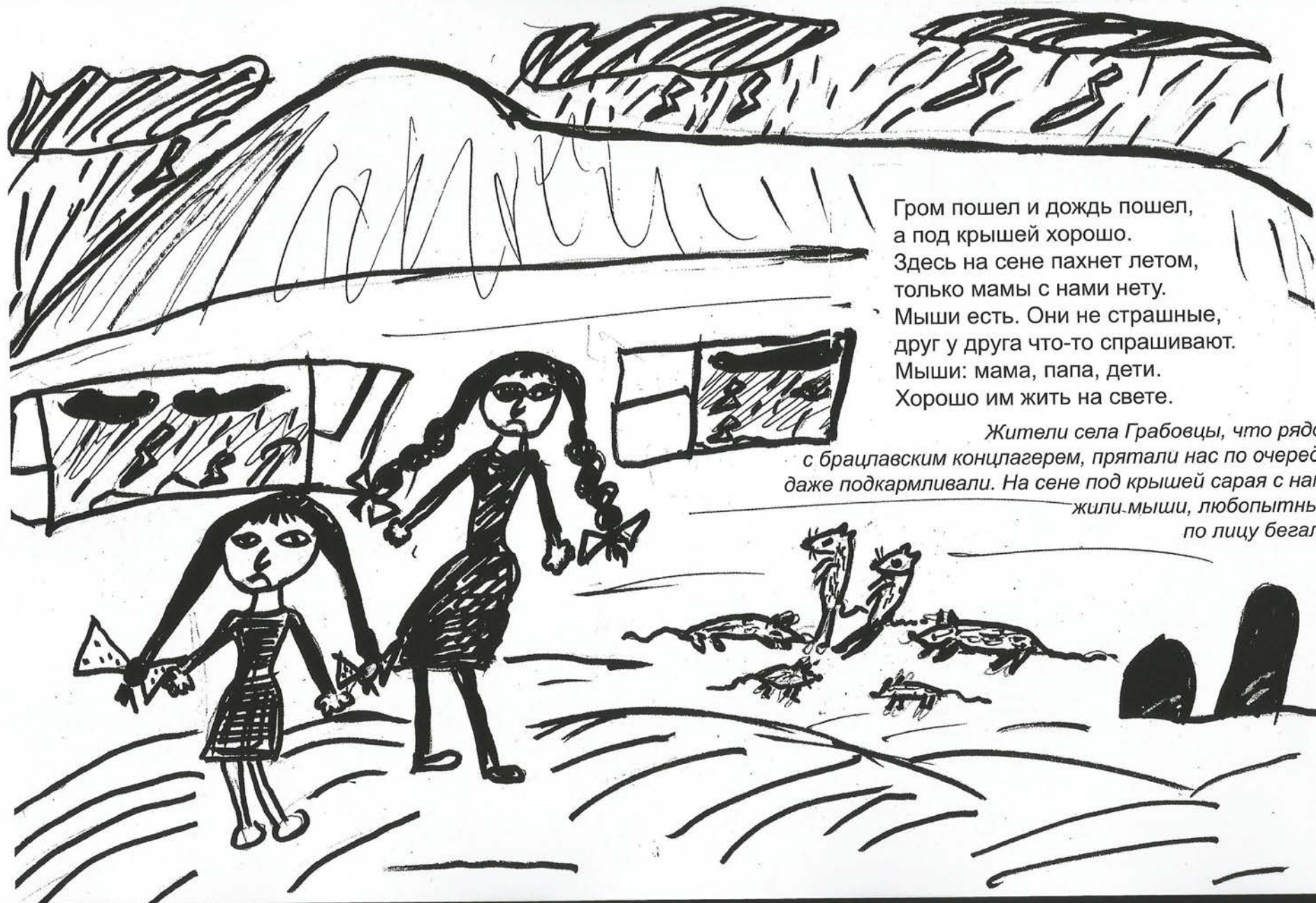
*Сушарня - место, где вялили фрукты. Над ямой с тлеющими
дровами, прокладывали веточки, на них рассыпали сливы.
Земля вокруг ямы хорошо прогревалась.*



Каша кислая-кислая,
мухи на миске мызгают,
ложки нету, но мы руками.
Хорошо, что не видит мама.
А теперь так болит животик —
из кустов не выходим.
Там какашки лежат разные,
а мои красные.

Нам иногда выносили поесть. Одна женщина позвала во двор, а сама -
в калитку. Мы похватали из миски и убежали, и залегли в канаве
напротив. Она немца привела. А маме после войны объясняла:
«Не могла смотреть, как они мучаются,
так "нехай" уж сразу...»



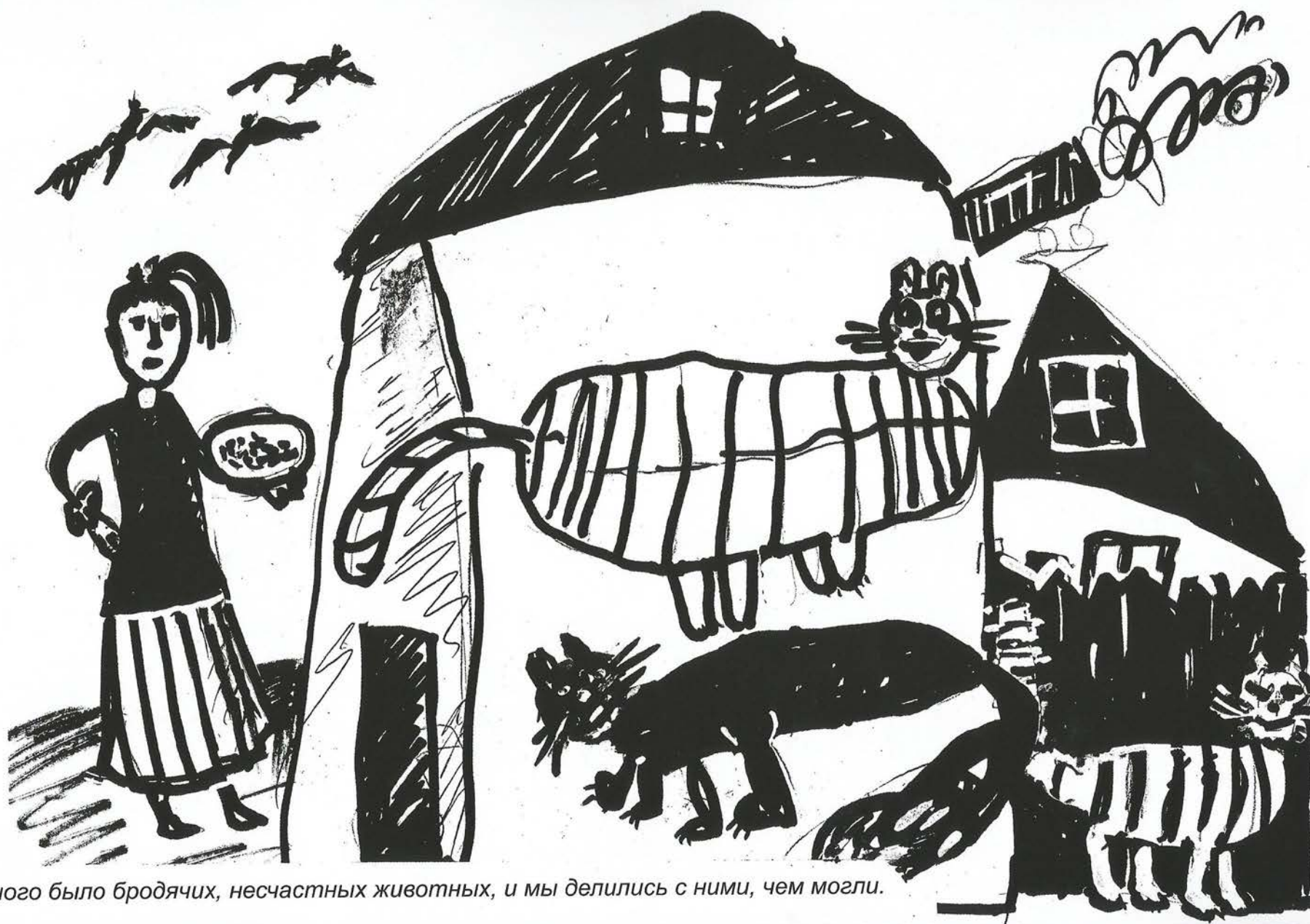


Гром пошел и дождь пошел,
а под крышей хорошо.
Здесь на сене пахнет летом,
только мамы с нами нету.
Мыши есть. Они не страшные,
друг у друга что-то спрашивают.
Мыши: мама, папа, дети.
Хорошо им жить на свете.

Жители села Грабовцы, что рядом
с брацлавским концлагерем, прятали нас по очереди,
даже подкармливали. На сене под крышей сарая с нами
жили мыши, любопытные,
по лицу бежали.



Мы такое место знаем,
никого там не бывает.
Там в разваленном сарае
кошка рыжая живет.
Мы хотели с ней дружить,
только нас она боится,
а кота чужого черного -
совсем наоборот.
Все равно мы ей даем,
если что-нибудь найдем.



Много было бродячих, несчастных животных, и мы делились с ними, чем могли.

Полина Колчанова, 5 лет

Нашли большой огурец,
на палочку посадили,
нарочно глаза закрыли
и хрумкаем понемножку:
хлеб, вареничек, холодец,
хлеб, вареничек, холодец,
и булочка на дорожку.



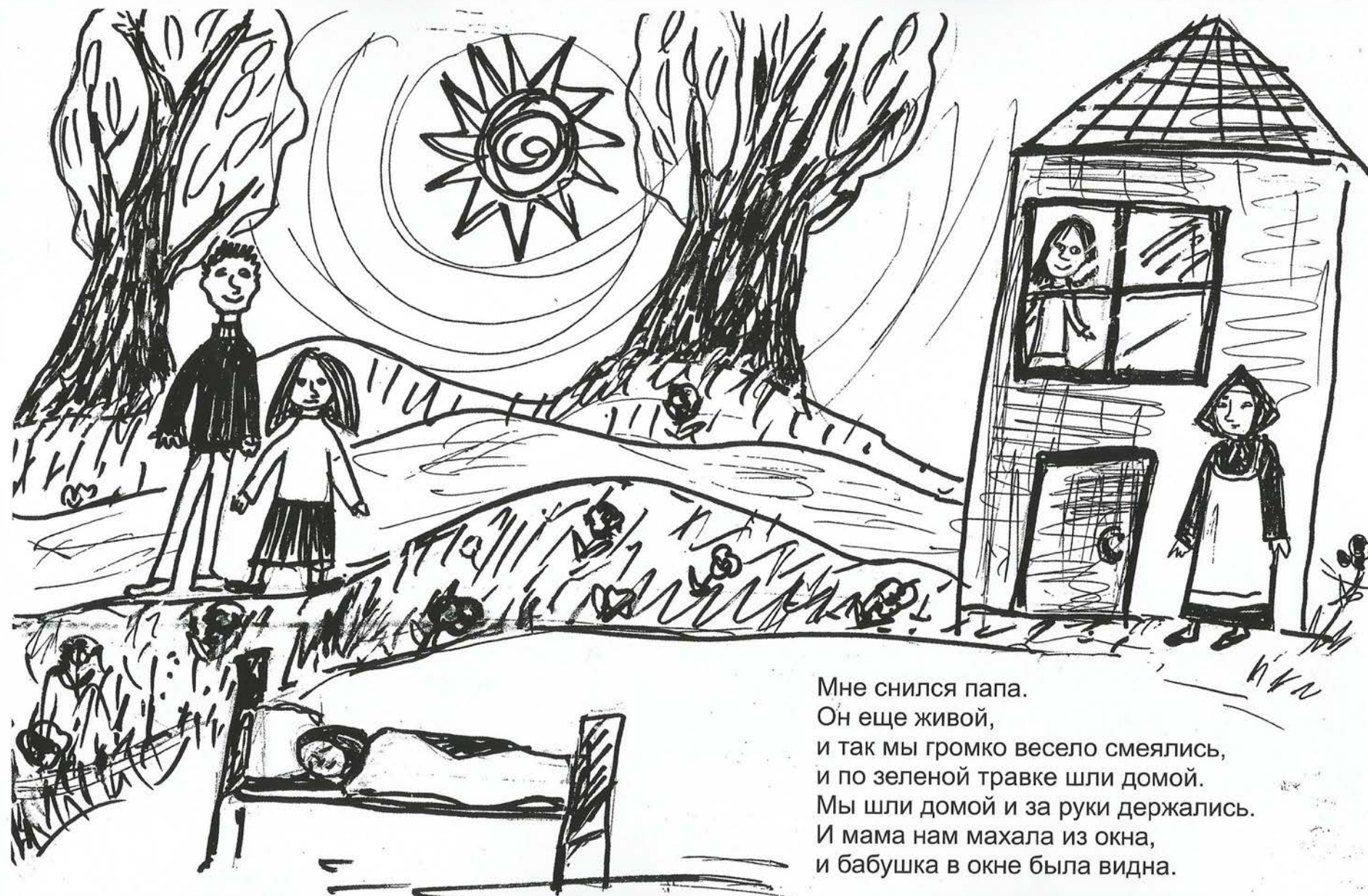
Это у нас было что-то вроде игры: найдем брошенный кусок,
по крошечке откусываем и представляем...

У дяди Мити нечего курить,
и мы ему окурки собираем.
Сегодня есть, а завтра я не знаю,
а может, дождь
или не будем жить?



В нищем домике на окраине жили Ореховские: сапожник Митька,
его жена Полина и четверо всегда голодных мальчишек.
Но они не выдавали нас «жиденят», хотя за это немцы платили
местным детям. А мы собирали для дяди Мити окурки и очень заботились,
чтобы их хватало.

Алена Афанасенко, 12 лет



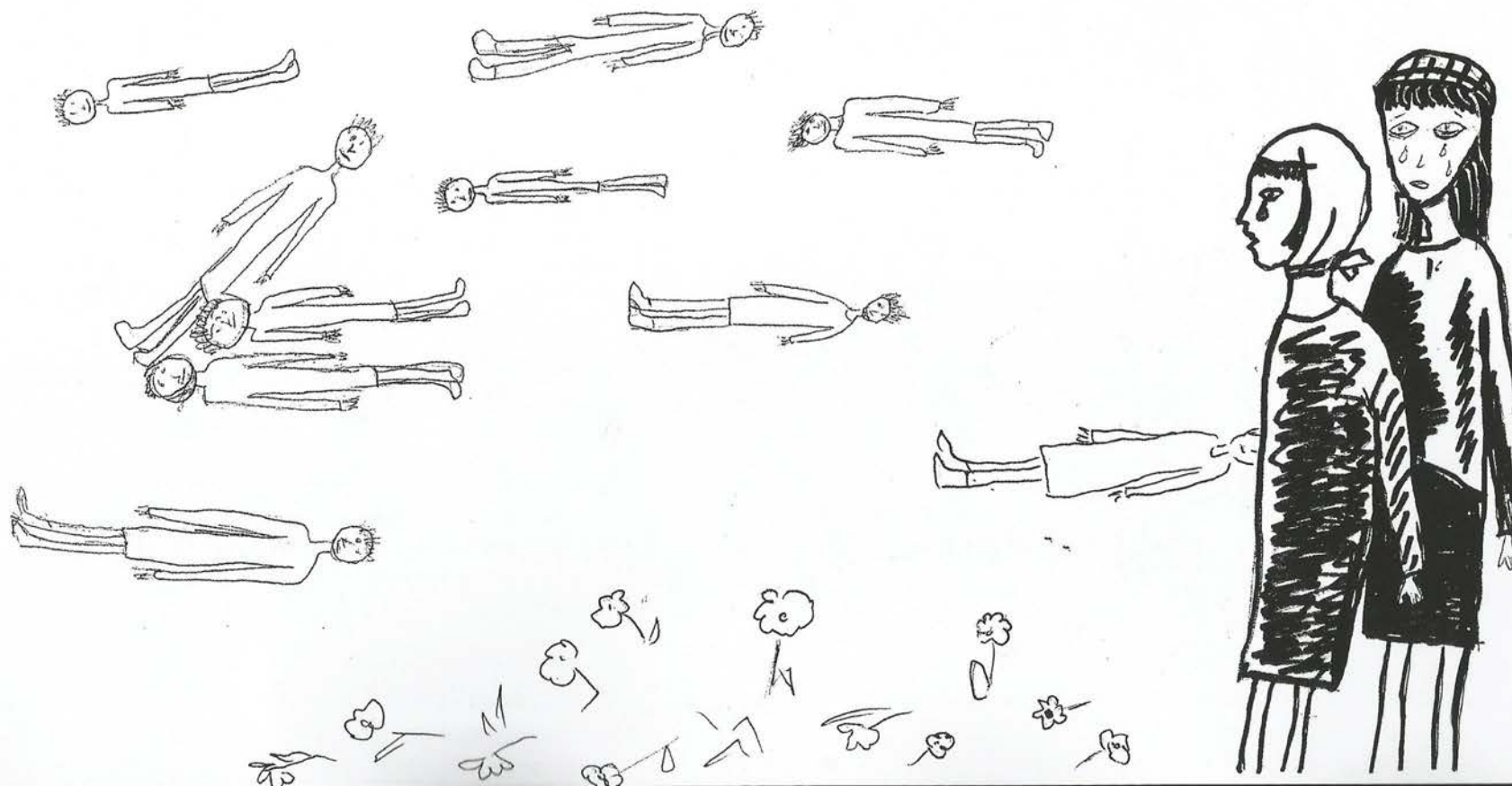
Мне снился папа.
Он еще живой,
и так мы громко весело смеялись,
и по зеленой травке шли домой.
Мы шли домой и за руки держались.
И мама нам махала из окна,
и бабушка в окне была видна.

Этот сон в точности до деталей повторялся много раз, много лет.

Дима Доманов, 9 лет

Срывают цветы, и они умирают.
Зачем же цветы срывать?
Стреляют в людей, и они падают,
и так остаются лежать.
И мне дядя Митя на ухо сказал:
- Тебе еще думать про это нельзя.
Вот вырастешь, станешь большая и умная...
А я не нарочно, я нечаянно думаю.

*Что такое смерть? Почему один человек убивает другого?
Ответа не было, но и не думать об этом я не могла.*



Алиса Егорова, 11 лет

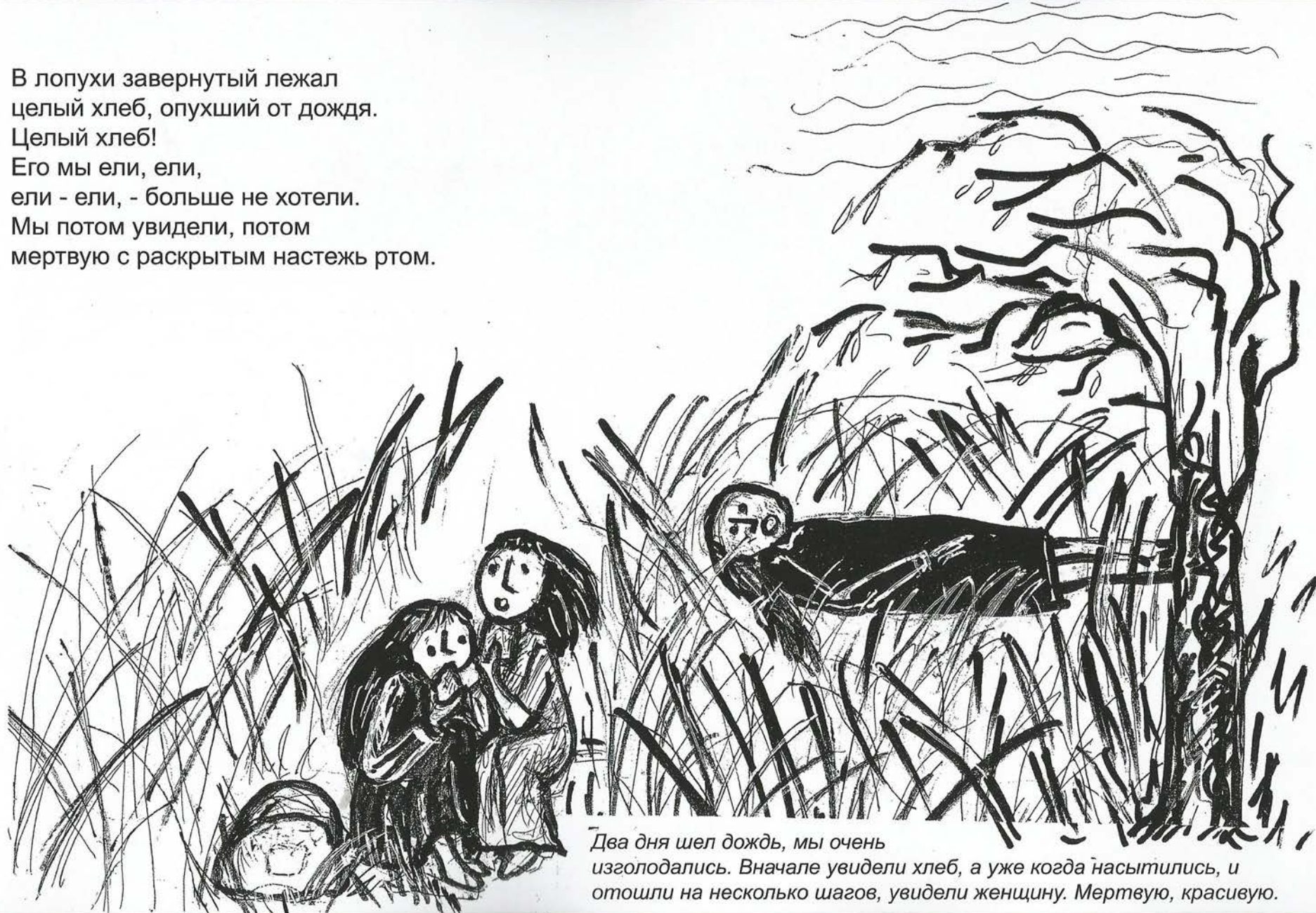


Ее раскачивало ветром,
и вбок свисала голова.
И я не знаю,
как про это сказать слова.
Я убежать, бежать хотела,
а все равно она - висела.
И так скрипели скрипом ветки,
и было холодно от ветра.

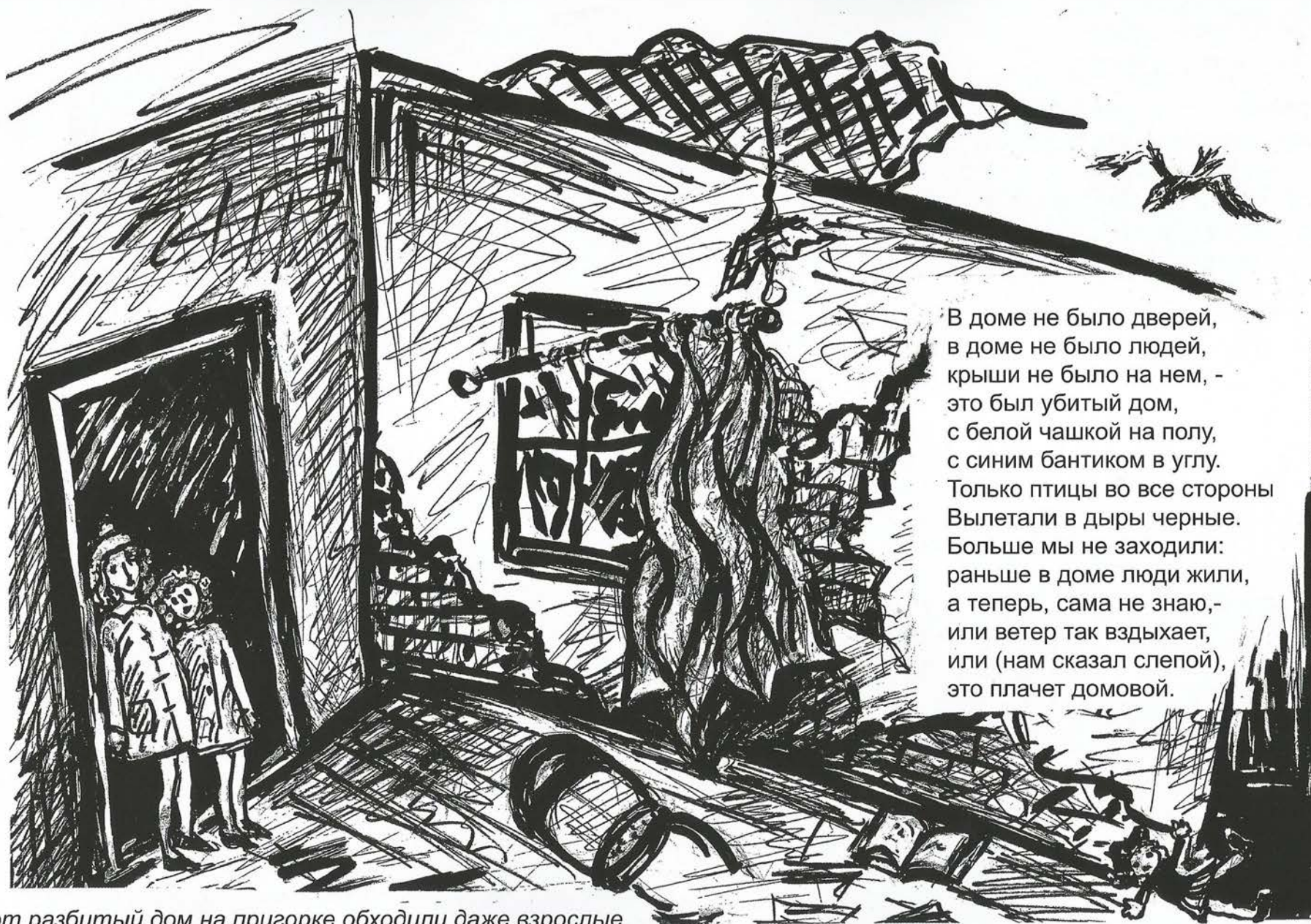
Первый раз я увидела повешенную.

Полина Колчанова, 5 лет

В лопухи завернутый лежал
целый хлеб, опухший от дождя.
Целый хлеб!
Его мы ели, ели,
ели - ели, - больше не хотели.
Мы потом увидели, потом
мертвую с раскрытым настежь ртом.



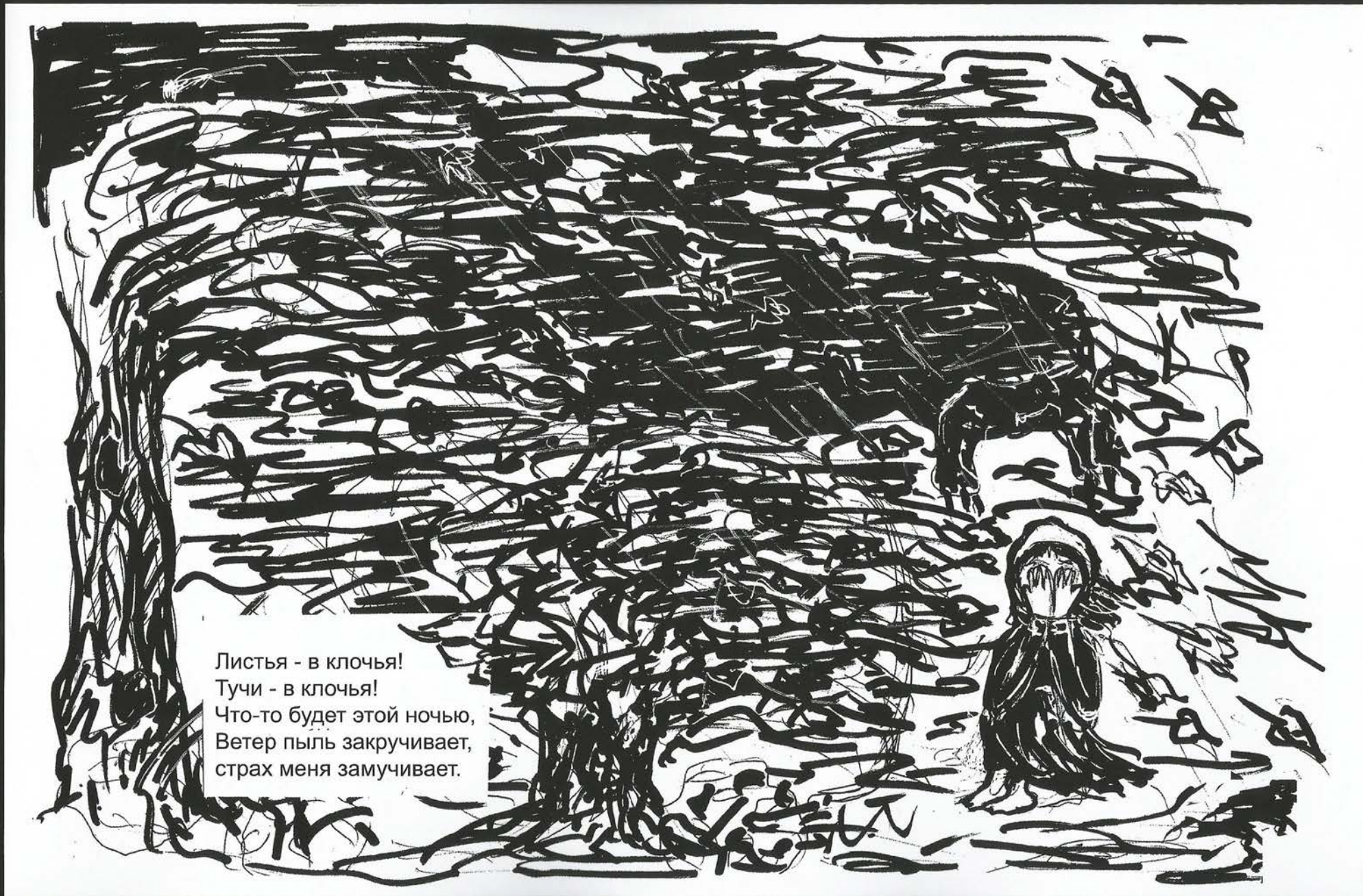
Два дня шел дождь, мы очень
изголодались. Вначале увидели хлеб, а уже когда насытились, и
отошли на несколько шагов, увидели женщину. Мертвую, красивую.



В доме не было дверей,
в доме не было людей,
крыши не было на нем, -
это был убитый дом,
с белой чашкой на полу,
с синим бантиком в углу.
Только птицы во все стороны
Вылетали в дыры черные.
Больше мы не заходили:
раньше в доме люди жили,
а теперь, сама не знаю, -
или ветер так вздыхает,
или (нам сказал слепой),
это плачет домовый.

Этот разбитый дом на пригорке обходили даже взрослые

Наталья Воронцова



Маша Дуброва, 11 лет



У рыжей кошки пять слепых котят.
Они толкаются и кушать все хотят.
И кошка подставляет им живот:
«Ну, нате, вот».
И хвостики вылизывает грязные,
и сказки им рассказывает разные.
И я смотрю на них до ночи самой
и спать ложусь возле кошачьей мамы.

Мы подкармливали, чем могли, бездомную кошку, и она позволяла смотреть на ее котят.

Лиза Осовецкая, 9 лет



В бочке теплая вода, -
лягушонки - кто куда.
Сверху теплая вода,
а внутри наоборот:
сразу холодно в живот.
Я б еще не вылезала,
только Мэрочка сказала: -
Все, давай скорей уйдем,
а обсушимся потом. -
Обсыхаем в лопухах,
мушки прыгают в глазах
и никак не кончатся.
И кушать очень хочется.

Когда дождевая вода в бочке прогревалась, мы туда залезали. Но после такого купания было острое чувство голода.

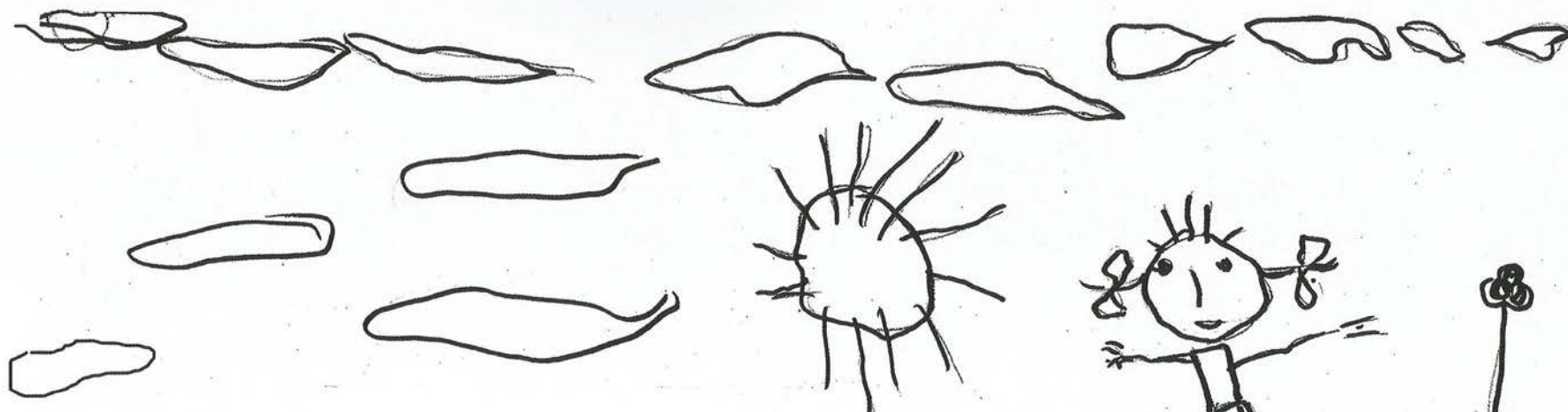
Наталья Воронцова



Мы нашли в конце дорожки
куклу рыжую без ножки,
целый мячик и тетрадь.
А куда нам это взять?
Под ступеньку все сложили,
чем попало призакрыли
и ушли. И не оглядывались.
У меня аж слезы скатывались.

Нам иногда попадались «ценные»
вещи. Но где их хранить?

Женя Гассель, 6 лет



Я собираю листики в пучок,
потом сплетаю из пучков венки.
А цветы совсем я не срываю,
я долго им в глаза заглядываю.
А если долго им в глаза смотреть,
я начинаю над землей лететь.

Несколько раз я испытывала это. И только с цветами.

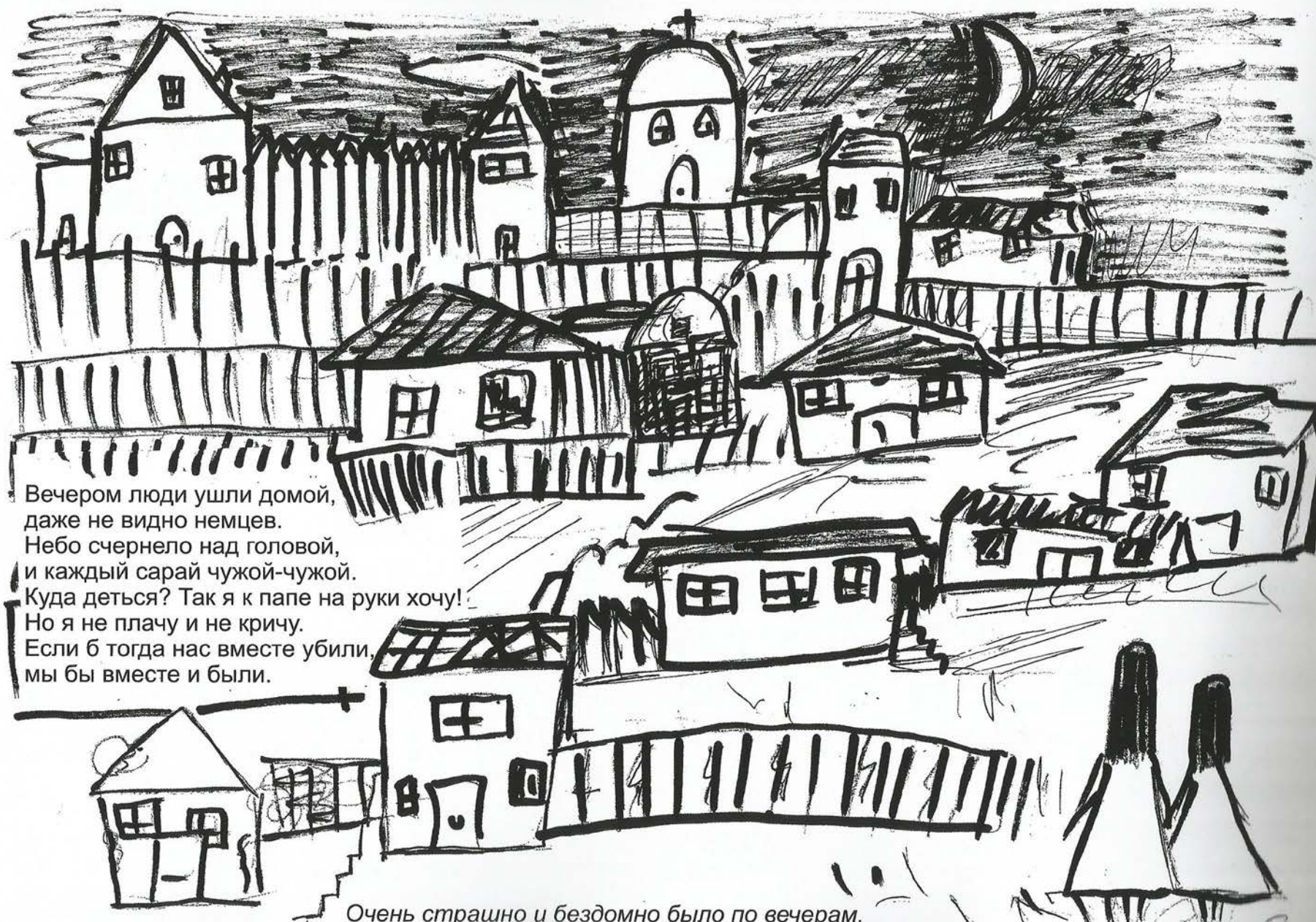




В дом стреляли, а потом
это был уже не дом.
Стал он весь - огонь и дым,
небо пыкало над ним.
И осталась на калитке обгорелая улитка.
А когда совсем стемнело,
что-то там еще горело.
Но людей кругом не стало,
только тени пробегали.

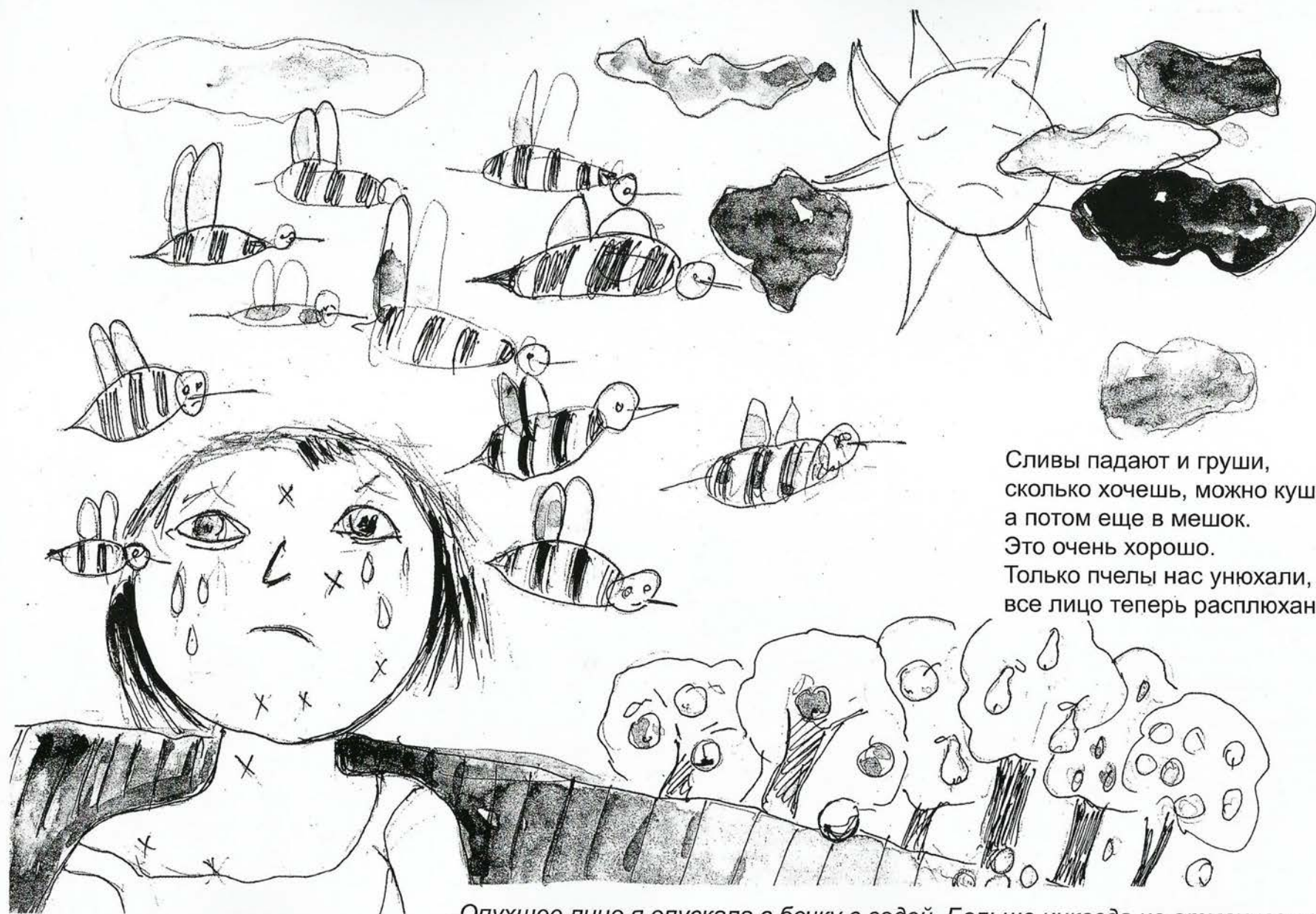
Дом горел так быстро, что казалось - это все - страшная сказка.

Женя Пескина, 9 лет



Вечером люди ушли домой,
даже не видно немцев.
Небо счернело над головой,
и каждый сарай чужой-чужой.
Куда деться? Так я к папе на руки хочу!
Но я не плачу и не кричу.
Если б тогда нас вместе убили,
мы бы вместе и были.

Очень страшно и бездомно было по вечерам.



Сливы падают и груши,
сколько хочешь, можно кушать,
а потом еще в мешок.
Это очень хорошо.
Только пчелы нас унюхали,
все лицо теперь расплюхнное

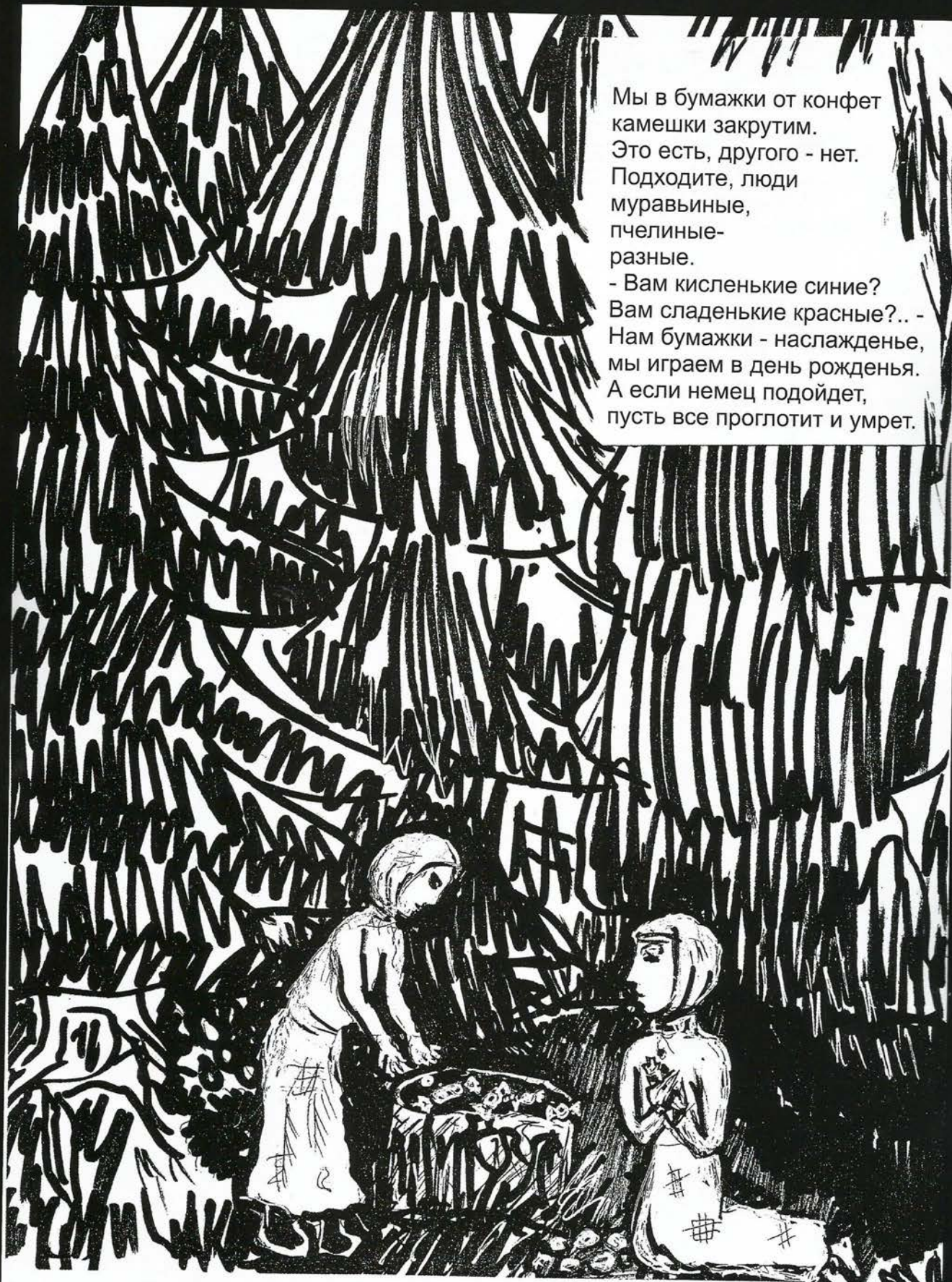
Опухшее лицо я опускала в бочку с водой. Больше никогда не отмахиваюсь от пчел

Сима Фекляева, 7 лет



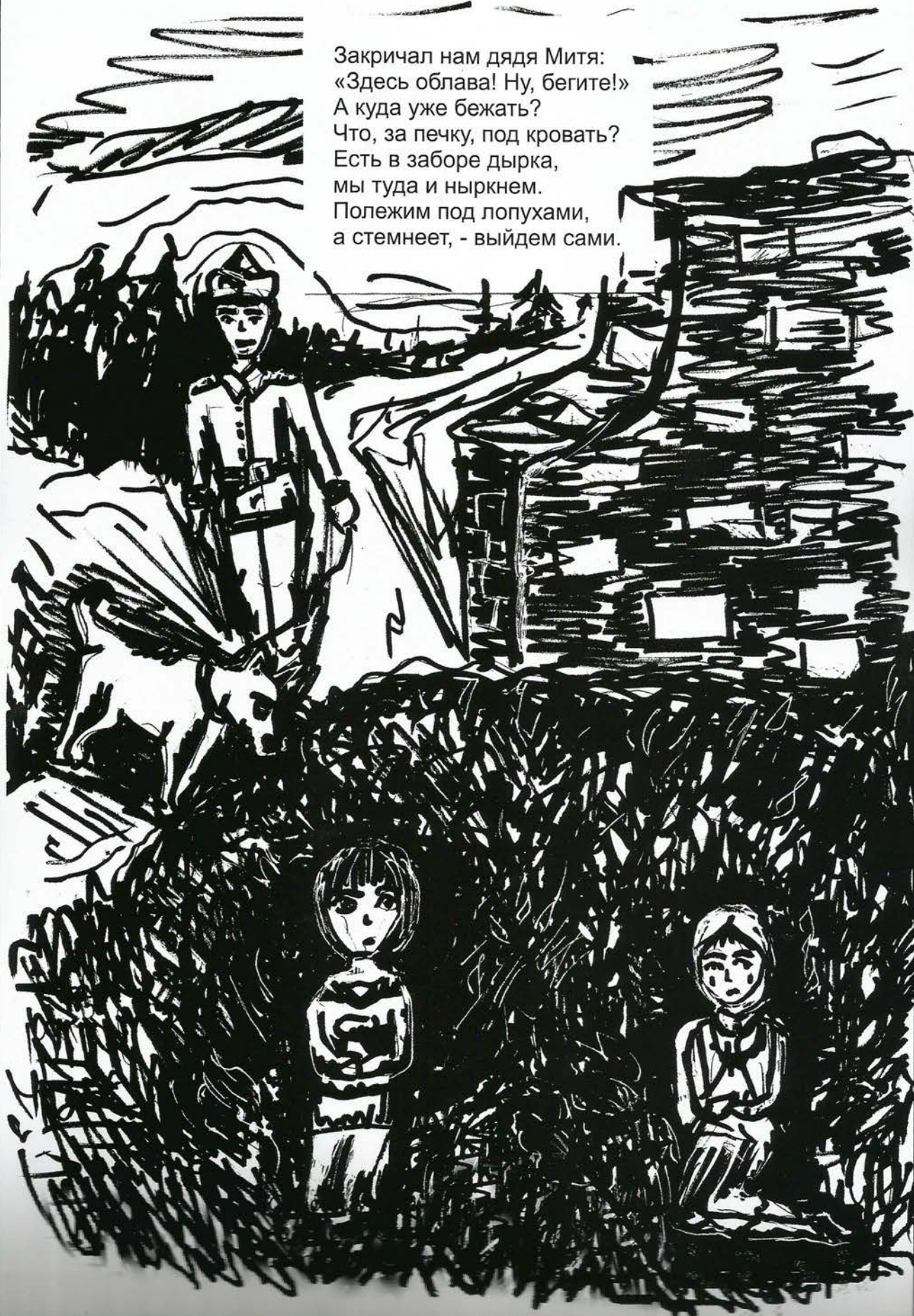
Может быть, он вырвался от кошки,
но мышонок был живой немножко.
Так он тихо, бедненький, пищал,
и дышал, дышал, дышал, дышал.
В лопушок его я закрутила,
целый день его с собой носила.
И попить дала ему и крошки,
и мышонок побыстрел немножко.
И не стала я его держать, -
если хочешь, можешь убежать.
Только никуда он не бежал,
ел и умывался, и дышал.

Мы в бумажки от конфет
камешки закрутим.
Это есть, другого - нет.
Подходите, люди
муравьиные,
пчелиные-
разные.
- Вам кисленькие синие?
Вам сладенькие красные?... -
Нам бумажки - наслаждение,
мы играем в день рожденья.
А если немец подойдет,
пусть все проглотит и умрет.

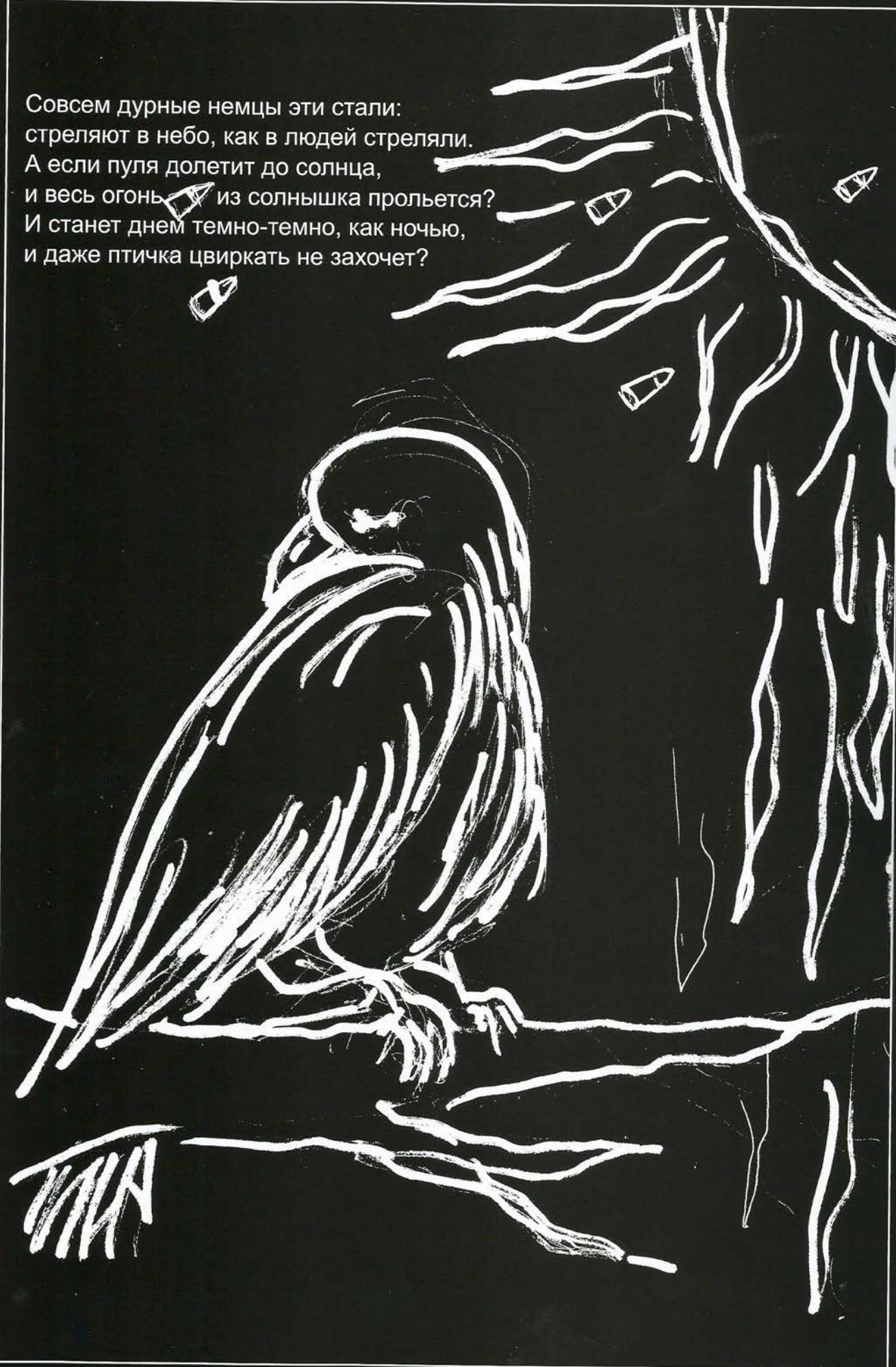


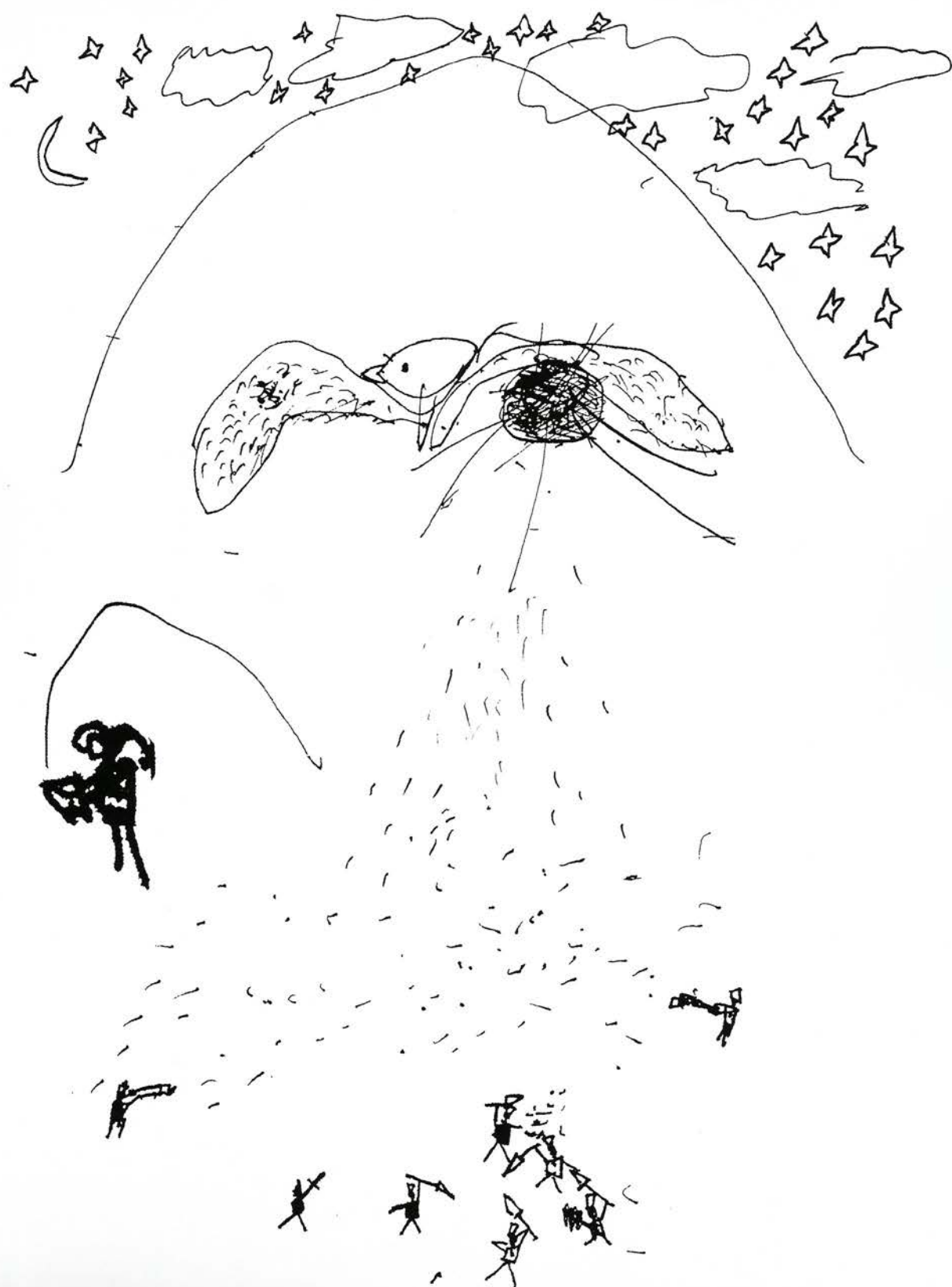
*Среди мусора мы нашли много
красивых бумажек от конфет
Устроили на пне «праздник».*

Закричал нам дядя Митя:
«Здесь облава! Ну, бегите!»
А куда уже бежать?
Что, за печку, под кровать?
Есть в заборе дырка,
мы туда и нырнем.
Полежим под лопухами,
а стемнеет, - выйдем сами.



Совсем дурные немцы эти стали:
стреляют в небо, как в людей стреляли.
А если пуля долетит до солнца,
и весь огонь из солнышка прольется?
И станет днем темно-темно, как ночью,
и даже птичка цвиркать не захочет?





Небо представлялось мне хрупким куполом, под которым все: звезды, луна, тучи, солнце. И это — неприкосновенно.



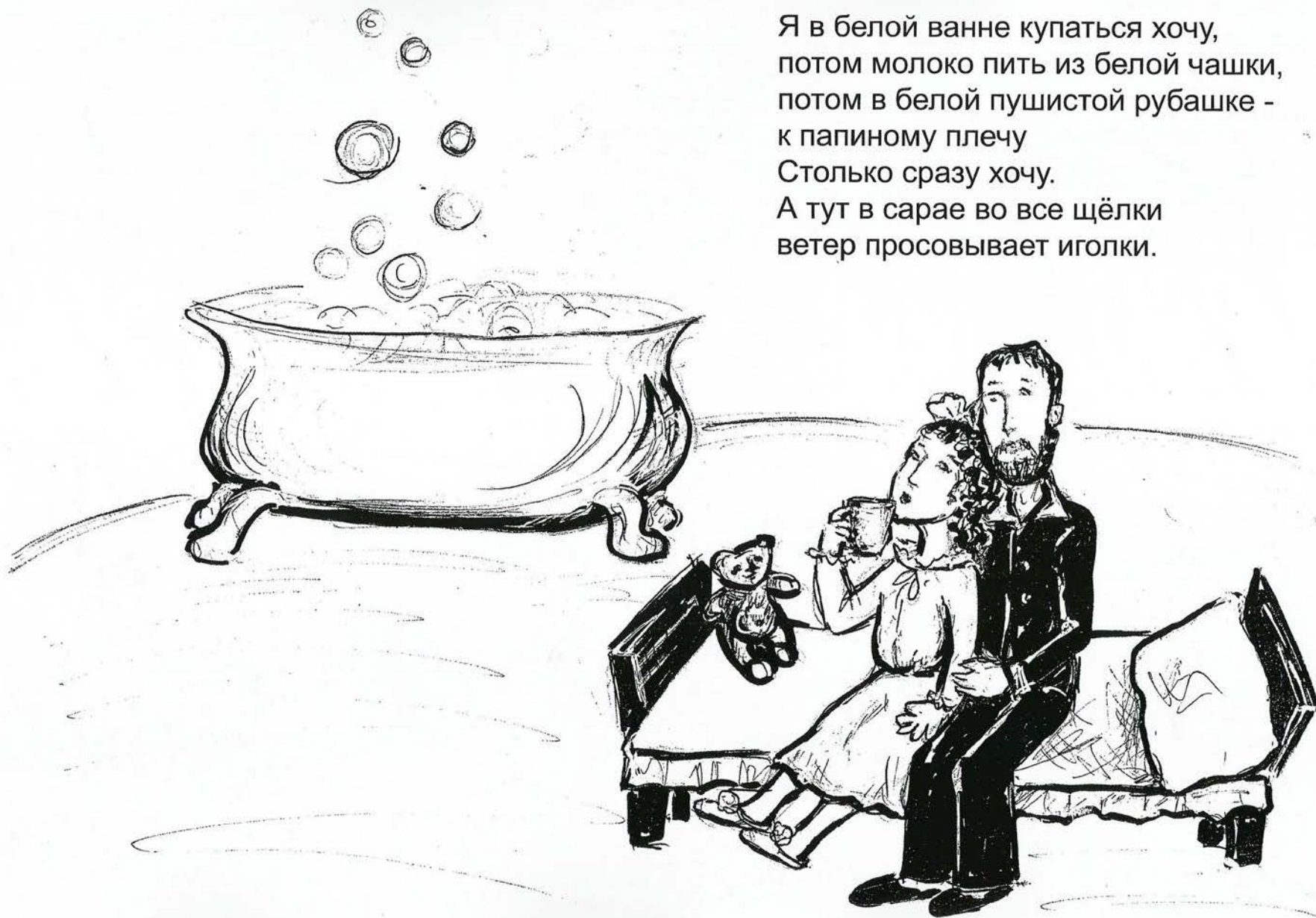
Я об ножку ножку грею.
Я сама себя жалею.
А когда себя жалею,
еще больше холодею.

После ночного инея земля отогревалась только к полудню. А обуви не было



Дождь закончился, и мушка
обсыхает, чешет брюшко.
Я ее не прогоняю, я же тоже обсыхаю,
я же тоже вся дрожу
и внутри себя жужжу.

Я в белой ванне купаться хочу,
потом молоко пить из белой чашки,
потом в белой пушистой рубашке -
к папиному плечу
Столько сразу хочу.
А тут в сарае во все щёлки
ветер просовывает иголки.



Я ослабела так, что и ходить уже не могла. Скакалку с красными ручками Мэрочка повесила на ветку и ушла искать что-нибудь поесть. Я лежала на земле под кустом и плакала. Очень хотелось попрыгать.

Очень жалко, очень жалко,
мы в кустах нашли скакалку.
Только мне нескочится,
а смотрится и плачется.





Когда я совсем ослабела от голода, Мэрочка носила меня на спине, не оставила,
как ей советовали.

Не ходят уже мои ножки.
Никак не подняться мне.
И Мэрочка на спине
таскает меня осторожно.
Идет - идет и качается,
пока день не кончается.

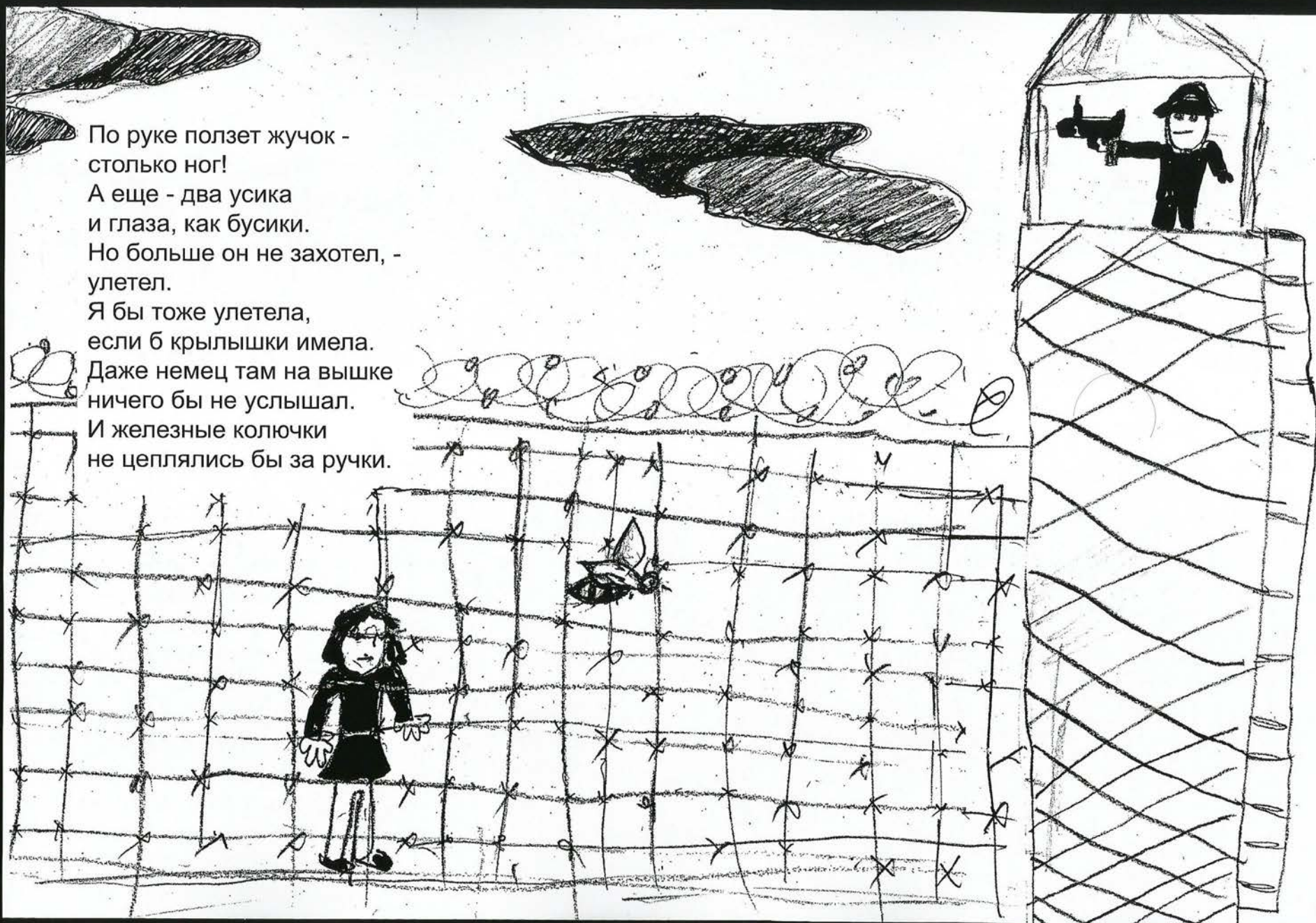


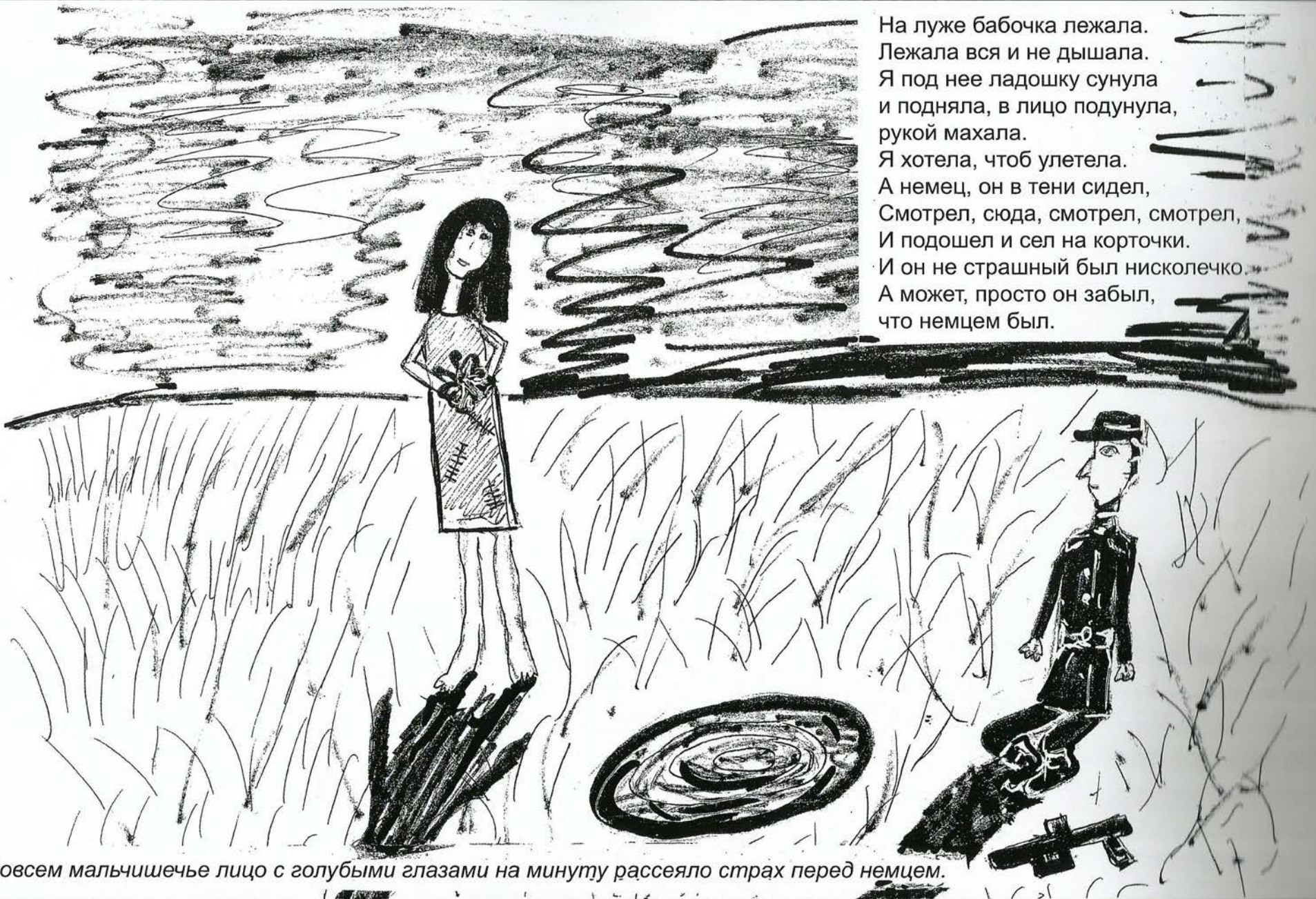
Из лагерного двора, высоко огороженного колючей проволокой, была видна улица со всей ее обычной жизнью.

Почему мы в клетке
Здесь сидим в колючей?
Почему нас немцы,
как хотят, замучивают?
А другие девочки
на широких улицах
бегают, смеются,
с мамами целуются.
Я спрошу у главного,
кто всех главней на свете:
«Разве это правильно?»
Что он мне ответит?

Наталья Воронцова

По руке ползет жучок -
столько ног!
А еще - два усика
и глаза, как бусики.
Но больше он не захотел, -
улетел.
Я бы тоже улетела,
если б крылышки имела.
Даже немец там на вышке
ничего бы не услышал.
И железные колючки
не цеплялись бы за ручки.

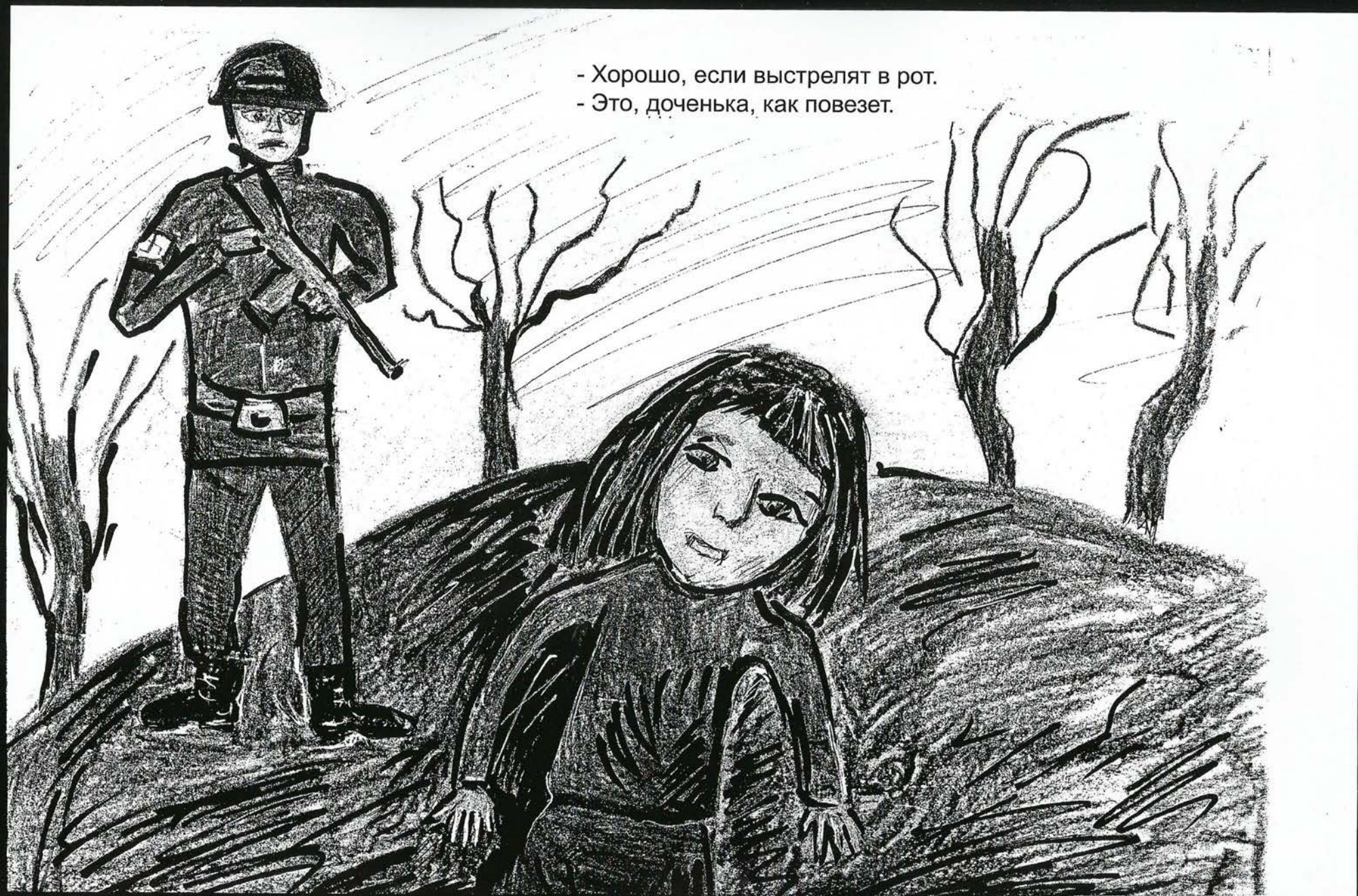




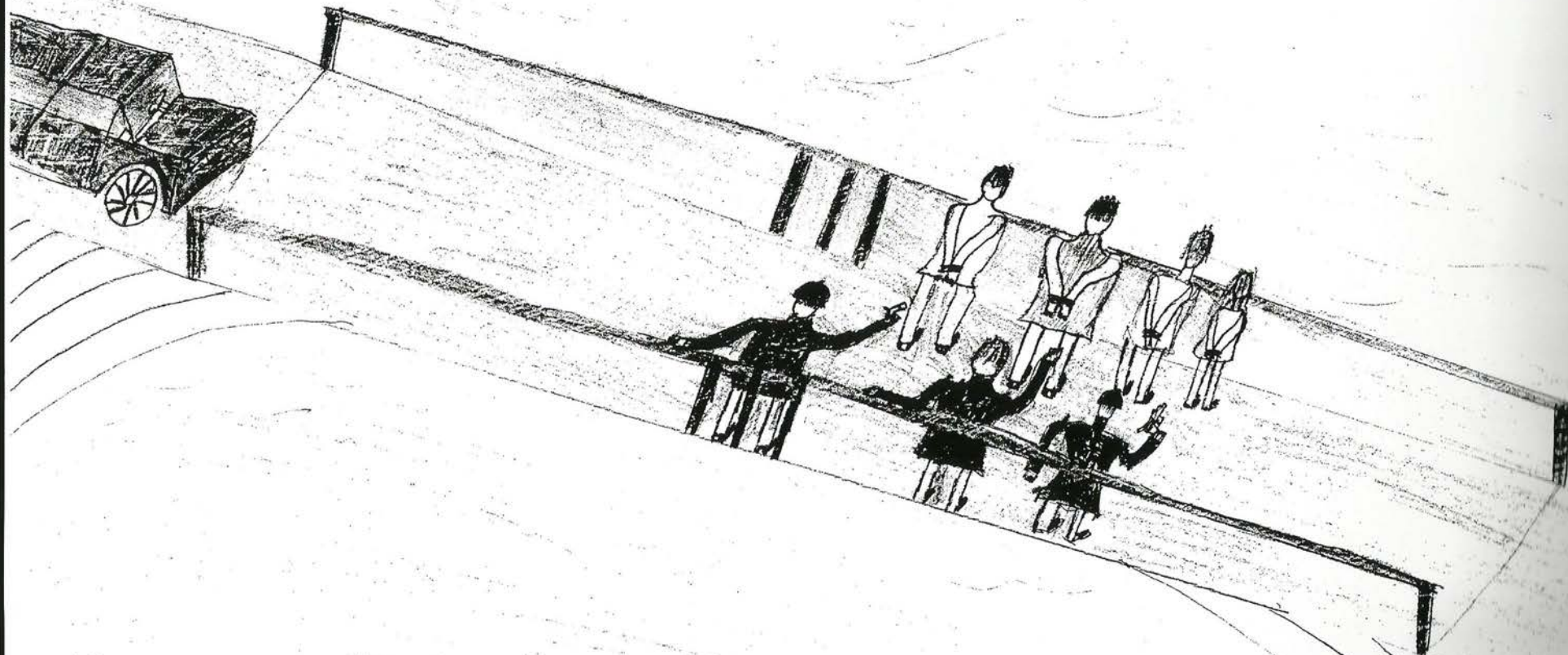
На луже бабочка лежала.
Лежала вся и не дышала.
Я под нее ладошку сунула
и подняла, в лицо подунула,
рукой махала.
Я хотела, чтоб улетела.
А немец, он в тени сидел,
Смотрел, сюда, смотрел, смотрел,
И подошел и сел на корточки.
И он не страшный был нисколько.
А может, просто он забыл,
что немцем был.

Совсем мальчишечье лицо с голубыми глазами на минуту рассеяло страх перед немцем.

Женя Пескина, 9 лет



- Хорошо, если выстрелят в рот.
- Это, доченька, как повезет.



Нас поставили к перилам моста (через Буг),
целились, стреляли

Виталия Караулова, 12 лет